

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности (перевод Григория Шокина)	7
Старушка Вирджиния (перевод Григория Шокина)	8
Шива, отверзи око (перевод Григория Шокина) . .	51
Исхождение Черного Ленивца (перевод Григория Шокина). .	78
Бульдозер (перевод Марии Савиной-Баблюян) . . .	196
Хоботок (перевод Григория Шокина)	254
Галлюцигения (перевод Григория Шокина)	299
Параллакс (перевод Григория Шокина).	426
Королевский зоопарк закрыт (перевод Григория Шокина). .	479
Час Циклопа (перевод Григория Шокина)	505
Череда Имаго (перевод Григория Шокина)	528

Посвящается Эрин

БЛАГОДАРНОСТИ

Я глубоко признателен редакторам и издателям, на протяжении многих лет публиковавшим мои работы: Эллен Дятлоу, Гордону Ван Гелдеру, Дэвиду Г. Хартвеллу, Кэтрин Кремер, Нику Маматасу, Шону Уоллесу, Эндрю Фуллеру, Мартину Сусту, Павлу Земкевичу и Джону Бетанкуру. Для меня огромная честь стать частью команды издательства «Найт Шейд Букс» — так что спасибо и вам, Джейсон и Джереми.

Также спасибо Кори и Кэтске Энч — и Энчевской галерее.

Хотел бы также выразить глубокую благодарность следующим людям за их поддержку в работе и в жизни: профессору Брэдли Стайнеру, Бену Эндрюсу, Челлемико, К. Э. Чаффину, Джону Лэнгану, Джоди Линн Роуз. Особая благодарность моей семье: Барбаре и Эрин Баар, Джейсону и Уильяму Барронам, Элисон и Пракашу Стирретам, а также Лии и Хун Линг Чжу.

БЛАГОДАРНОСТИ

СТАРУШКА ВИРДЖИНИЯ

На третью ночь я обнаружил, что наш грузовик выведен из строя. Все шины были спущены, а двигатель раскурочили. Поработали на совесть.

Я покинул свое логово, чтобы полюбоваться рассветом и отлить в близлежащих кустах. Денек выдался довольно прохладный, и у воздуха был металлический привкус. Над далеким темным лесом, окружавшим хижину, мерцала горсточка звезд. Изрытая неаккуратными размытыми колеями дорога убегала вдаль по бескрайней болотистой поляне. Тишину нарушало лишь ровное гудение дизеля под навесом для дров.

— Ну, началось, — сказал я себе.

Прикурив «Лаки Страйк», я отметил, что мои худшие опасения сбываются. Проклятые комми отыскали наше скромное лесное укрытие. Или, возможно, в мое окружение затесался «крот». Просто вишенка на торте. Ребята и так были на нервах: Дэвис мне клялся, что после отбоя услышал из-за обшитой сталью двери шепоток

Лэрд Баррон. ЧЕРЕДА ИМАГО И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

и хихиканье. А еще он уверял, что один из докторов периодически говорит на иностранном языке. Вздор, конечно. Тем не менее, у солдат нервишки пошаливали — а теперь еще и это.

— Гарланд? Ты тут? — Хэтчер вполголоса позвал меня с крыльца. Я различил в ночи его фигуру — высокую и худощавую.

— Тут.

Я подождал, пока он подойдет к грузовику. Хэтчер подчинялся мне напрямую и был единственным членом отряда, с кем мне уже доводилось работать раньше. Он обладал твердым характером, знал свое дело и был всего на десять лет моложе меня, хотя и вдвое старше любого из остальных. Если кто-то и служил крысой у красных, я молил Бога, чтобы это был не он.

— Полагаю, теперь только на своих двоих, — прокомментировал Хэтчер после довольно продолжительного осмотра машины. Я протянул ему пачку «Лаки Страйк», и он молча закурил.

— Кто дежурил последним? — спросил я наконец.

— Ричардс. Никаких оповещений от него не поступало.

— Само собой.

Я посмотрел на лесные рубежи вдалеке, размышляя, не следит ли за нами враг. Чего от него ждать? Что мы можем предложить в ответ? Я живо припомнил фиаско в горах Кубы в пятьдесят третьем, и неприятный холодок сковал

СТАРУШКА ВИРДЖИНИЯ

мышцы у основания шеи. Это было шесть лет назад, а в нашем деле возраст не идет на пользу.

— Как они вышли на нас, Хэтч? — спросил я.

— У Штрауса могла произойти утечка информации.

Само собой разумеется, что бы ни делали наши военные ученые, комми делали то же самое, но — больше и лучше; но даже в этом случае разведанные, касающиеся проводимой нами программы, стоили бы немалых денег за железным занавесом. Внезапно вся эта небольшая экскурсия перестала казаться мне чем-то вроде присмотра за детьми.

Проект «ЦИЛИНДР» был разработкой Конторы, но проходил под грифом «секретно». Доктор Герман Штраус тайно подбирал команду и инструктировал нас у себя дома. И вот теперь мы находились в глуши Западной Вирджинии, наблюдая за двумя его ассистентами, ставящими непонятные опыты на выжившей из ума старухе. Доктора Портер и Райли руководили процессом. Связь с внешним миром была запрещена до тех пор, пока ученые не соберут достаточно данных. По возвращении в Лэнгли Штраус должен был провести полный разбор полетов. Абсолютно никто другой в Конторе не должен был участвовать в этом.

Подобные задания не были моей специальностью, но я изучил все бумажки — и понял, что авторитет Штрауса неоспорим. Почему

Лэрд Баррон. ЧЕРЕДА ИМАГО И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

выбор пал именно на меня? Подозреваю, дело в том, что док знал меня еще с прошлой войны. И еще он знал, что я давно не участвовал в реальных заданиях. Может статься, он хотел, чтобы я снова ощутил себя нужным. Теперь, глядя на грузовик, выведенный из строя, и прикидывая, что может ждать дальше, я понял: старый черт Герман просто решил принести меня в жертву.

Покончив с окурком, я принял ряд срочных мер.

— На рассвете мы обследуем всю прилегающую к хижине территорию. Ты возглавишь группу с Роби и Нилом — двинетесь на юг. Я же отправлюсь на север с Доксом и Ричардсом. Дэвис остается охранять убежище. Поиск следов ограничим радиусом в четверть мили.

Хэтчер кивнул, не комментируя слабое звено моего плана: возможно, Дэвис — как раз-таки наш «крот». Вместо этого он указал на лес:

— А как насчет экстренной эвакуации? До ближайшего шоссе миль двадцать. Мы могли бы добраться туда за несколько часов. По дороге есть несколько ферм. Где-то там наверняка есть телефон...

— Хэтч, они не просто так лишили нас грузовика. Разумеется, они рассчитывают, что мы пойдем пешком. Кто знает, какие ловушки ждут нас на пути к шоссе? Пока мы остаемся здесь, укрепляем защиту. Если ситуация ухудшится,

будем прорываться поодиночке. Может, кому-то повезет добраться до штаба.

— А как быть с Портером и Райли?

— Сейчас наша главная забота — собственная безопасность. Мы дождемся результатов разведки, а уж потом доложимся нашим докторам.

Мое участие в проекте «ЦИЛИНДР» началось весьма безобидно, если такое слово вообще применимо к любым начинаниям Конторы. Телеграмма застала меня на пустынной набережной, где я бездельничал. Из Вирджинии за мной прислали автомобиль Штрауса. Предстоящая работа обещала хороший заработок. Кроме того, мною двигало любопытство — с нашей последней встречи с Германом миновало много лет.

За великолепным обедом в его знаменитом поместье близ Лэнгли директор Штраус объяснил, что ему позарез понадобились мои хладнокровие и опыт. Он отметил, что нужен зрелый человек, способный подолгу хранить спокойствие. Да, он все просчитал на совесть.

Мне также припомнили одну меткую характеристику: «Руку сунь в огонь, и этот хладнокровный негодяй даже не дрогнет». Подобное обо мне говорили и раньше, лет тридцать тому назад. В пору, когда мое лицо еще не было исчерчено морщинами, а суставы не сковал артрит. До того, как я оглох на левое ухо и лишился большей части зубов. До того, как дрожь, точно от землетря-

сения Лома-Приета¹, поселилась в моих руках. Было трудно сохранять убийственную невозмутимость, когда приходится от часа к часу вставать и опорожнять мочевого пузырь. Вот вам и герой войны. Вот вам и живая легенда Конторы.

— Послушай, Роджер, я не намерен возвращаться к теме Кубы. Это все слишком давние дела, приятель,— заверил меня Штраус.

В тот вечер, сидя напротив него в его деревенской резиденции, под воздействием пары виски-сауэров, казалось так просто убедить себя, что мои самые серьезные ошибки остались позади. Можно было почти поверить в то, что разрушительный след прожитых лет — всего лишь вымысел завистников, неизменных спутников любых выдающихся личностей.

Когда-то я был выдающимся, о да. Ветеран не одной, а *двух* мировых войн. Усыпанный наградами, прославленный, вселяющий трепет. И Штраус, честный голубоглазый Штраус словно убедил меня, что былые заслуги никуда не делись. Он подался вперед и спросил:

— Роджер, а ты когда-нибудь слышал о проекте «МК-УЛЬТРА»?

И тогда я сразу позабыл о Кубе.

---

¹ Землетрясение, произошедшее 17 октября 1989 года в 17:04 по местному времени около Сан-Франциско (Калифорния, США), магнитудой 6,9. Причина — движение земной коры вдоль разлома Сан-Андреас. — *Здесь и далее — примечания переводчика, если не указано иное.*

* * *

Мужчины надели охотничьи куртки, спасаясь от холода. При себе у них имелись полностью заряженные дробовики на случай враждебных контактов. Команда прочесывала окрестности до самого полудня. Осталась ни с чем; все следы принадлежали кроликам да оленям. Листва уже щедро укрыла землю красно-коричневым покрывалом. Оно скользило под ногами. С черных голых ветвей тяжело срывались капли мороси. Птицам нечего было сказать.

Я не спускал глаз с Докса и Ричардса. Докс неспешно переставлял ножищи в грузных армейских ботинках — невозмутимый славянин с широким лицом, целиком поглощенный решением поставленной мной задачи. Он был сложен так же хорошо, как трактор — слишком примитивный для каких-либо иных поручений Конторы, кроме чисто силовых акций, и едва ли пригодный на роль внедренного русского диверсанта. Он был мне симпатичен. Ричардс был светловолосым и подтянутым, талантливым парнем с хорошим образованием, обладавшим достаточным цинизмом и скрытым садизмом, чтобы понравиться дальновидным людям, стремившимся перестроить Контору после неизбежного ухода президента Эйзенхауэра. Ричардс мне не нравился, и я ему не доверял.

Лэрд Баррон. ЧЕРЕДА ИМАГО И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

В Конторе зрела масштабная чистка, и люди типа Ричардса намеревались отправить на свалку истории всех динозавров вроде меня. В каком-то смысле это было бы логично. Неурядицы начались на самом верху сразу после того, как старину Айка хватил удар. Всем официальным заверениям вопреки, от его былой хватки главнокомандующего сохранилась лишь бледная тень. Те, кто был ближе всех к нему, рано увидели трещины в фундаменте и бросились защищать его и без того пошатнувшийся имидж. Сторонники Конторы сомкнули ряды, скрывая упадок сил президента и его странную увлеченность рисованием карикатур на Ричарда Никсона. Они выступали с ним на брифингах, готовые, если он вдруг выкинет неловкий фортель, подхватить ситуацию и направить в нужное русло. Не слишком удачное распределение человеческих ресурсов, по мнению молодых кадров разведки.

Вряд ли нынешнее задание привлекало ричардсов нашей Конторы. Они предпочитали восполнять свои потери, круша черепа и перерезая глотки оппонентам. Такова объективная реальность — она и будет определять будущий курс американской разведки.

Мы продолжали бесплодные поиски, пока хижина не растаяла вдали, размывшись до неясного силуэта. Постройка относилась к рубежу веков, и, как мне показалось, Штраус ее купил за бесценок. Уединение идеально соответствовало

его гнусным планам. Кроны леса были затянуты облаками, но из топографических карт я знал, что неподалеку есть гора — низкий косматый холм, называемый Бэджер-Хилл. Еще где-то там же располагались шахты по добыче угля, давно законсервированные, и покосившиеся остовы заброшенных трудовых поселков; ржавые вагоны на останках железнодорожных путей. Мир ежевики и валежника. Этими тропами никто не ходил уже много лет.

Мы встретились с группой Хэтчера в хижине. Они тоже не нашли никаких улик. Вся наша одежда промокла насквозь, настроение было так себе, хотя молодняк волновался — бойцовые псы рвались в драку.

Никто из них не был на войне. Я проверил. По большей части они учились в колледже, а не в Корее. Даже Докс не пошел на фронт из-за плоскостопия. Они не видели ни Суасона в 1915 году, ни Нормандии в 1945-м, ни джунглей Кубы в 1953-м. Они не видели того, что видел я. Их страх был незначительным, вызванным скорее неуверенностью, чем оторопью. Они поглаживали свои дробовики и улыбались глупо, почти невинно.

Когда остальные распределились по постам вокруг хижины, я направился в уборную, чтобы опорожнить кишечник. Управился достаточно быстро. Я весь вспотел и продрог, и мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Колени у меня горели, поэтому я достал баночку

с обезболивающим бальзамом и натер их. Нос щекотал изнутри камфарный запашок. Я вытер капельки влаги с очков, проглотил таблетку глицерина и почувствовал себя очень даже неплохо — по стариковским-то меркам.

Десять минут спустя я вызвал доктора Портера для совещания на заднее крыльцо. Дождь усилился, и Нил, стоявший на посту у дуба, не услышал наших слов.

Портер был лыс, как колено. Его голый череп украшал медный обруч, и от этой штуки в нагрудный карман его белого халата, изрядно заляпанного, тянулись проводки. Его пальцы посинели от меловой пыли. От него воняло антисептиком. Мы не были друзьями. Он относился к сопровождающим как к сборищу головорезов и терпел нас только потому, что это было в интересах его великого научного исследования.

Я обрисовал ситуацию. Та не произвела на него особого впечатления.

— Вот почему Штраусу понадобились ваши услуги. Разберитесь с проблемой,— сказал он.

— Да, доктор. Я работаю над этим. Однако я подумал, что вы, возможно, захотите знать, что ваши исследования будут поставлены под угрозу, если эта активность усилится. Возможно, нам придется провести эвакуацию.

— Как вам будет угодно, капитан Гарланд.— Портер сухо улыбнулся.— Вы же сообщите мне, когда настанет время?

— Конечно.

— Тогда я продолжу свою работу, если вам больше *ничего* мне сказать.— Акцент на слове «ничего» был излишним — ну где же формальная вежливость? Я решил его задержать — пожалуй, сугубо из вредности.

— Мне стало любопытно, что вы, ребята, задумали. Как продвигается эксперимент? Есть какие-нибудь успехи?

— Капитан Гарланд, вам не следует задавать мне эти вопросы.— Угрюмая улыбка дока Портера стала более бесчеловечной, чем когда-либо.

— Вероятно, не следует. Увы, поскольку разведка не дала результатов, я не знаю, кто уничтожил наш транспорт и что они планируют дальше. Было бы полезно получить больше информации о проекте.

— Несомненно, доктор Штраус рассказал вам все, что посчитал разумным.

— Времена меняются.

— Проект *строжайше* засекречен. Вы всего лишь сотрудник службы безопасности. У вас нет специального допуска к этой информации.

Я вздохнул и закурил.

— Кое-что я знаю. «МК-УЛЬТРА» — обобщающий термин для экспериментов Конторы по контролю сознания. Вы играете с мощными средствами — ЛСД, гипноз, фототерапия. Я знаю, что подобные методы хотели использо-

вать против Батисты¹. Возможно, черт побери, мы *реально* провернули с ним какой-то фокус.

— Провернули. Кастро был на диво эффективен, не так ли? — Глаза Портера заблестели. — Так в чем ваша проблема, капитан?

— Проблема в том, что у КГБ все эти игрушки тоже есть. И даже получше наших — если верить всему, что я успел подслушать в Лэнгли.

— О, уж вам-то, как никому другому, следует остерегаться слухов. Мистер Болтун, вас же похоронили на Кубе вместе с остальными оперативниками. Почему вы здесь?

Я раскусил нехитрую игру Портера. Он пытался спровоцировать меня, ссылаясь на все те разговоры, что приличная публика водила обо мне за моей спиной, — рассчитывал так вывести меня из себя. Но я остался невозмутим.

— Насколько я понимаю, красным проект «ЦИЛИНДР» не сдался... если только вы не готовите что-то особенное. Чего-то, чего они боятся. Чего-то, о чем они знают, по крайней мере

---

¹ *Батиста-и-Сальдивар Рубен Фульхенсио* (1901—1973) — государственный и политический деятель Кубы, генерал. В сентябре 1933-го года возглавил «бунт сержантов», в январе 1934-го — совершил государственный переворот и до 1940-го был фактическим диктатором, а в 1940—1944 гг. президентом Кубы. В 1944-м потерпел поражение на выборах, покинул страну. В 1947 году вернулся; 10 марта 1952 года вновь организовал военный переворот и установил режим террористической диктатуры.

